

Андрей Львович Ливадный

Мир на ладони

Аннотация

Что будет когда наша Галактика остынет. Сможет ли разум возродиться в иных уголках вселенной, и каким способом можно достичь подобного?

1

Порой ему снились странные сны.

Антон не знал откуда в его сознании возникают такие странные видения. Конечно он повидал на своем веку множество миров, однако картины, что приходили ему во снах, не имели ничего общего с реальным жизненным опытом.

Хотя кто знает? Вселенная бесконечна и количество миров в ней неисчислимо. Возможно где-то есть другие, радикально отличающиеся от него личности, создающие непонятный разуму мрак, исколотый мириадами холодных колючих искр света?

Антон сидел на берегу высохшего русла, представлявшего собой широкий, явно искусственно созданный канал, с неподвластными бегу времени, отлогими берегами. Эту серую ленту, проходящую по периферии множества миров, чаще называли дорогой, но однажды, в одном из своих путешествий он встретил старого логрианина, который поведал ему, что раньше полноводная река плескалась феерией разноцветных брызг, соединяя бесчисленные миры с какой-то иной реальностью.

Странное утверждение не нашло

отклика ни в душе, ни в разуме.

Хотя наверное старик прав — все меняется, далеко не в лучшую сторону. Из жизни уходит что-то важное, придающее смысл существованию. Наверное, в поисках этого смысла Антон время от времени пускался в долгие и опасные путешествия, туда к срединным мирам, не по проторенной дороге, а наугад, сквозь серую хмарь границ, в иные пределы, где, вероятно, не бывал никто, кроме исконных обитателей тех мест.

Конечно собираясь в очередное путешествие Шевцов понимал, что рискует. Сидя здесь, на берегу пересохшей реки, он мог не опасаться за свою жизнь, — окружающее пространство принадлежало и подчинялось только ему, но, стоило покинуть надежное убежище, как все менялось радикальным образом.

Там, за плотными, труднопроходимыми сумеречными зонами лежали иные пространства, по большей части враждебные, где каждый вдох давался с трудом...

И все же борьба на пределе сил казалась ему предпочтительнее, чем прозябание в собственном доме, где знаком каждый уголок и уже не хочется что-то менять.

От раздумий его оторвал голос, прозвучавший в сознании:

— Господин, мы наблюдаем деформацию сумеречной зоны!

Апатичность исчезла, будто ее и не было.

— Где?

— Прямо напротив главных ворот! За лесом!

— Иду. — Шевцов встал оборачиваясь в сторону своего замка.

В собственном мире, где все

подчинено воле хозяина, расстояние вещь относительная, по крайней мере для него лично, и потому Антону оставалось лишь четко сформулировать мысленное желание, чтобы оказаться на наблюдательной площадке, рядом с вызвавшим его начальником стражи.

Увидев Шевцова инсект, закованный помимо природного хитина в легкую металлокевларовую броню, жестом указал направление, почтительно отступив на шаг.

Да, действительно лазурные небеса над лесом потемнели, там клубилось нечто серое, похожее на кучевые облака.

Вне сомнения, со стороны межмирья сюда на просторы спокойной, светлой, умиротворенной Данасии, пыталась прорваться неведомая сила, обладающая достаточным могуществом и опытом, чтобы вот так грубо переть

напролом, презрев все мыслимые законы.

Нетрудно предположить, что гость... или скорее — гости, вряд ли проявят покладистость и дружелюбие, иначе они пришли бы по высохшему руслу реки, — единственной дороге, где не существовало барьеров между мирами, и, остановившись у отмеченной черты, попросили бы дозволения на проход через территорию Данасии.

Откровенно говоря Антон уже успел позабыть, когда в прошлом происходило нечто подобное.

Он закрыл глаза, мысленно сосредоточившись, но энергосканирование пока не давало точного результата, — сопротивление межмирья все еще скрадывало силы вторжения, не позволяя точно увидеть кто и в каком количестве прорывается через сумеречную зону.

— Воинам — на стены!

Древний, уже почти позабытый клич звонко прозвучал в напряженном, казавшимся предгрозовым воздухе.

Мысли Шевцова приобрели кристальную ясность, ладони ощущали прохладный чуть шероховатый камень стены, вопреки логике вдруг захотелось, чтобы поскорее лопнула серая хмарь, и возникла определенность.

Он взглянул на крохотные фигурки воинов, выглядевшими с высоты, как темные, сливающиеся с фоном стен точки. На нижних укреплениях сейчас шла лихорадочная подготовка к отражению внезапной атаки. Воины — в основном инсекты, среди которых мелькали редкие силуэты людей, отличающихся более крепким телосложением и носившим иную экипировку, занимали свои места подле

механизмов защитного периметра.

Нервно взвизгнули, выдвигаясь в боевое положение, орудийные установки. Небеса над цитаделью подернулись легким дрожанием, — это заработало защитное поле, призванное отражать энергетические удары.

Мысль, оттолкнувшись от этих картин, внезапно скользнула в прошлое.

Те далекие времена уже почти забылись, истерлись в памяти, исчезли под новыми впечатлениями, но сейчас, когда ситуация вдруг повторилась, оказалось, что воспоминания о давних событиях попросту ждали своего часа, притаившись где-то в глубинах подсознания...

...Издравле граничащими друг с другом мирами владели три расы: наиболее многочисленными были Логриане — двухголовые ксеноморфы,

по своей сущности пацифисты и мыслители, стремящиеся лишь к уединению. Они традиционно занимались торговлей информацией, за ними в количественном соотношении шли люди, и лишь небольшая часть миров принадлежала Харамминам — голубокожим гуманоидам, грубым и воинственным, часто вступавшими в бессмысленные стычки с соседями.

Именно Логриане во время одного из дальних путешествий, поведали Шевцову о золотом веке, когда дружелюбие и согласие царили на просторах бесчисленных вселенных, у каждого мира был свой хозяин, а пересохшее русло несло бурные потоки радужной реки.

Затем случилось нечто необъяснимое. Никто не мог толково рассказать откуда взялись миллионы бездомных существ, — достоверно

было известно лишь одно: они появлялись из радужных вод постепенно мелеющей реки, и разбредались кто куда. Старый логрианин говорил что они пришли из иной реальности, но Шевцов не верил такому утверждению, противоречащему его жизненному опыту. У каждого существа должен быть свой мир, и если они вдруг появились в чужих пределах, это, по мнению Антона, могло означать лишь одно: их личные миры по каким-то причинам разрушились.

Трудно представить какое бедствие смогло уничтожить миллионы миров, но факт оставался фактом, — сонмища пришлых существ буквально заполонили окружающие Данасию сопредельные пространства.

Это были смутные, трудные времена. Покой и незыблемость вдруг стали

понятиями условными, многие хозяева миров не смогли сопротивляться вторжению пришлых, и как следствие — были вынуждены либо бежать, став изгоями, либо погибнуть, отражая немислимое нашествие.

Именно в ту пору Шевцов впервые увидел Инсектов. Среди орд бездомных они составляли подавляющее большинство, и у Антона еще тогда возникло чувство, что он когда-то (в еще более далеком, *нереальном* прошлом) однажды сталкивался с ними... и эта встреча носила далеко не мирный характер.

Впрочем, тогда ему было не до глубинных воспоминаний. Он не хотел терять собственный мир, и потому, усвоив горький опыт соседей, чьи владения в одночасье превратились в пестрые стойбища, он пошел на рискованный, но, как оказалось в

последствии, — единственно-верный, оправданный шаг.

Во-первых, он приютил у себя нескольких лишившихся дома соседей. Дав им возможность управлять небольшим количеством энергии собственного мира, Антон обрел надежных и благодарных союзников. Вместе, прилагая все силы и воображение, они сформировали неприступную цитадель.

Когда по руслу иссякшей реки во владения Антона вторглись первые, разрозненные группы бездомных существ, он не стал уничтожать их, а позволил приблизиться к стенам. Увидев неприступные, отлично защищенные укрепления, никто из пришлых даже не попытался взять их приступом — кому охота быть распыленным и стать частью всеобщей энергии, питающей бесчисленные

миры? Нет, хоть они и являлись бездомными (а потому несли в себе семя отчаянья), здравый смысл не до конца покинул их разум... По крайней мере, когда Шевцов обратился к скопившимся у стен цитадели существам с предложением мира, те не только выслушали его, но и с радостью приняли условия: в обмен на разрешение остаться, они поступали на службу к хозяину мира, клялись защищать свой новый дом от вторжений, и быть верными данной присяге.

Так Антон получил свое первое войско, разномастное, плохо обученное, но способное под грамотным руководством отразить любое нападение.

Вскоре такой подход стал хорошей традицией, и Шевцов смог сформировать настоящую армию

бойцов, которые, за редкими исключениями оставались преданы ему.

С их помощью он вернул исконным хозяевам три соседних мира, граничащих с его собственным; там так же были возведены цитадели, и с тех пор необузданные, мигрирующие орды уже сознательно сторонились данного участка Вселенной.

...«Неужели все это было сонной»? — подумал Антон с трудом заставив свой рассудок вынырнуть из омута воспоминаний. События, что промелькнули перед мысленным взором, казались сейчас такими далекими, что уже с трудом верилось в их реальность. С тех пор, похоже, минула целая вечность, раз он успел позабыть, как строилась цитадель и откуда появились ее первые обитатели.

Сейчас в его мире постоянно

проживало пятьсот с лишним существ. Люди, инсекты и даже несколько логриан, изгнанных из своих миров, прекрасно ладили друг с другом, тщательно оберегая островок спокойствия в океане погружившейся в хаос вселенной.

«Впрочем, и они уже вряд ли помнят историю своего появления», — Шевцов был уверен: останови он сейчас любого из поднявшихся на стены воинов и тот в ответ лишь пожмет плечами, — для них цитадель давно стала домом, и они всерьез считали, что так было всегда.

Вечность.

Прошла целая вечность с тех давних событий.

Воспоминания разбередили душу, чувство восторженной новизны, которое он испытывал минуту назад, показалось теперь глупым и опасным симптомом долгого благополучия.

Внезапно реставрированная память заставила его по другому взглянуть на назревающее событие. Сквозь хмарь межмирья прорывалось не развлечение, не избавление от скуки, а реальная угроза. Не зря ведь он в далеком прошлом прилагал усилия, отвоевывая миры соседей, возвращая их исконным владельцам: таким образом он создал дополнительную преграду на пути любой недружественной силы.

Однако внезапность событий говорила о том, что соседи не успели ничего предпринять, иначе они бы предупредили Антона о надвигающейся угрозе.

Он вновь прикрыл глаза, сосредоточившись на клубящейся серой мгле.

Пространство межмирья уже не сопротивлялось, оно было прорвано неистовым напором силы, — сквозь

клубящееся облако прочерчивались смутные тени, не похожие ни на что из когда-либо виденного Шевцовым.

На цитадель надвигались не существа, а какие-то непонятные формы, присущие скорее механизмам, чем представителям известных рас.

«Машины. Вне сомнения, — это были машины, но разве может какой-либо механизм действовать по своей воле?!»

Абсурд. Любым механизмом должно управлять разумное существо, но мысленный взор Шевцова, проникая через броню, не ощущал присутствия внутри механизмов известных ему жизненных форм.

Неприятный холодок коснулся рассудка, непроизвольная дрожь скользнула по телу, возвращая память о таком чувстве, как страх.

— Нижние укрепления? — Не

выдержав, осведомился он.

— На связи.

— Вы видите противника?

— Да.

— Почему не открываете огонь?

— Мы ждали команды...

— К фрайгу... — Древнее слово непроизвольно вплелось в мысленную речь. — Всем батареям — беглый огонь!

Твой мир — суть ты сам.

Древняя истина. Шевцов не мог ответить сколько прошло времени с тех пор, как строились эти стены, возводились и оснащались фортификационные сооружения, но видно смутные, вырвавшиеся из плена воспоминания не лгали, — хозяина мира нужно довести до определенной степени *осознанного желания*, чтобы сотворенное им обрело ту или иную мощь и предназначение.

Сколько же должно пройти спокойных, размеренных веков существования, чтобы память о тех событиях истерлась, потускнела, практически исчезла, болезненно возвращаясь лишь сейчас с первыми залпами энергетических орудий, полыхнувшим с передовых бастионов Цитадели?

Серую хмарь межмирья, прорвавшуюся вслед за пришельцами в проделанную ими брешь, внезапно озарили десятки ослепительных вспышек, — казалось, что сама реальность содрогнулась, закручиваясь в тугие смерчи попаданий, бледный свет разлился над просторами, озарив клубящиеся у самой земли серые облака и движущиеся на их фоне механизмы.

Их были сотни. Неисчислимое сонмище абсолютно одинаковых

машин, сохраняя строй, волна за волной появлялись из серой мглы; похоже их совершенно не волновала судьба попавших под ураганный огонь собратьев: длинные, тупоносые, скользящие над поверхностью земли исчадия чьей-то злой воли равнодушно обтекали препятствия, с удручающей целеустремленностью двигаясь к стенам передовых укреплений.

Еще минута, и на равнине, среди пологих возвышенностей, уже горело десятка три чадных костров; из пламени, объявшего пораженные механизмы, с ритмичными хлопками выстреливались непонятные капсулы. Полутораметровые цилиндры с закругленными торцами, пролетая по короткой баллистической траектории, вонзались в податливую почву либо, ударившись бортом, откатывались в сторону от встретившего их

препятствия, и оставались неподвижно лежать, постепенно накапливаясь в распадках меж холмами.

Ураганный огонь по надвигающейся массе механизмов не стихал ни на секунду, но, не смотря на потери, те продолжали свое движение, — передовые группы атакующих уже достигли основания стен, и избежавшие попаданий машины вдруг начали трансформироваться, выпуская длинные прочные суставчатые манипуляторы. Еще мгновение и они с лязгом вонзились в материал стены; первый из механизмов, закрепившись, начал подтягиваться, поднимаясь вверх, его сноровистые манипуляторы работали попарно, поднимая тяжелую машину по вертикальной стене.

Когда механизмы достигли орудийной площадки одного из нижних укреплений Шевцов вдруг остро,

интуитивно почувствовал: на этот раз ему не удастся отбить атаку внезапных пришельцев. Непрístupная цитадель неизбежно падет под монотонным натиском равнодушных к потерям врагов, — их было слишком много...

Добравшиеся до площадки нижних укреплений механизмы тем временем претерпели очередную трансформацию, — теперь их манипуляторы удлинились, а между ними возникло напряженное сияние энергетического поля.

Антон не успел даже предположить, что последует дальше. Все свершилось на его глазах: одна из машин резко выдвинула четыре телескопических захвата в сторону защитника цитадели, и красноватое сияние окутало воина-инсекта, спеленав того прочнейшими энергетическими узами.

Шевцов не услышал ни вскрика

несчастливого, ни каких-либо иных звуков, — орудия вышележащих укреплений в этот момент перезаряжались, черпая энергию из ткани самого мира, и вокруг наступила короткая тишина, в которой разыгралась немая, но наглядная сцена — манипуляторы механизма, пленившие инсекта, начали укорачиваться, потом внезапно изогнулись, подавая пленника к открывшемуся в борту машины отверстию.

Еще секунда и инсект исчез внутри, а жадные до добычи манипуляторы вновь начали удлиняться, выискивая на просторной площадке очередную жертву.

Антон понял, — нужно бежать.

Сонмище врагов неодолимо. Они вызывали стойкое ощущение мертвой, бездушной силы, победить которую

обычными средствами невозможно: какой толк в том, что будет разрушено еще десять или двадцать машин? Остальные (а их были сотни) продолжают свой непонятный разрушительный путь.

Все происходило достаточно быстро, но, уловив суть происходящего, Антон более не колебался. Быть распыленным в собственном мире, или того хуже — попасть в чрево одной из машин ему вовсе не хотелось, поэтому дальнейшими действиями Шевцова руководил не страх, а здравый смысл. Всегда есть резон остаться в живых перед лицом непонятной, неодолимой силы, чтобы иметь возможность разобраться в причине произошедшего.

Ответом на промелькнувшие в рассудке мысли, послужил четкий недвусмысленный приказ:

— Прорываемся! Всем следовать за

мной! Уходим в межмирье, только там мы сможем спастись!

Его призыв был услышан, — не прошло и минуты, как на площадке рядом с Антоном стало тесно: каждый из обитателей Цитадели стремился в роковой момент встать ближе к хозяину мира, который обладал властью над энергетикой данности.

Когда на площадке стало совсем тесно Шевцов крикнул:

— Держитесь друг за друга! Всем задержать дыхание.

Воздух над укреплением начал сгущаться, мутнеть, теряя обычную прозрачность, по периметру зримо обозначившейся сферы потекли искажения; еще секунда и огромный пузырь защитного поля оторвался от площадки верхнего укрепления, ударился о стену, мягко отскочил от нее и начал удаляться от Цитадели,

снижаясь по пологой траектории в тыл прорвавшимся исчадиям.

В первый момент казалось что на огромный шар, похожий на сгусток помутневшего воздуха, никто не обратит внимания, но прошло всего несколько секунд и большинство машин, до этого целеустремленно карабкавшиеся на стены, вдруг начали разворачиваться, некоторые в результате такого опасного маневра срывались вниз, однако большинство исхитрилось удержаться на отвесных стенах, и вслед беглецам полыхнул энергетический залп, выдержать который не смогла бы ни одна защитная оболочка.

Призрачная сфера успела преодолеть две трети намеченного Антоном пути, снижаясь и одновременно двигаясь в сторону пробитой между мирами бреши, когда первые разряды

чужеродной энергии настигли ее, заставив слабое мерцание неистово вспыхнуть, превращая мутный шар в пылающий болид, внутри которого, как в ловушке оказалось заперто около полусотни защитников Цитадели.

Антон ощутил резкий жар и одновременно горло сжал спазм удушья.

Он боролся изо всех сил, стараясь поддержать целостность защитного кокона, от его неистовых усилий содрогнулась сама реальность, теперь пагубные искажения приняли глобальный характер: даже прочные, кажущиеся незыблемым стены укреплений вдруг начали пластично деформироваться, от них к пылающему шару тянулись зримые энергетические потоки, которые, вливаясь в защиту, гасили неистовое пламя... на миг реальность приняла совершенно

жуткий, неправдоподобный вид: волны деформаций захватили не только постройки, — исказилась земля и небо, а шар, казалось, завис на одном месте, привязанный к множеству опор толстыми, похожими на туго сплетенные канаты, мутными потоками энергетических выбросов.

Такими запомнил роковые мгновенья Шевцов. Как они виделись остальным он не знал — мир рушился на его глазах, произошло самое страшное, что могло случиться, — его неистовое желание было воспринято окружающим пространством, и теперь все вокруг оказалось подчинено лишь одному порыву, — удержать защитный кокон от полного разрушения, любой ценой.

Только сейчас он осознал истинную мощь пришлых — даже всей энергии подвластного ему пространства не

хватило, чтобы полностью погасить огонь, отразить направленные потоки чужеродного излучения... несколькими секундами позже защитный кокон распался на высоте десяти метров над поверхностью видоизменившейся тверди, которая потеряла свои свойства, став похожей на податливое коварное болото.

Защитники Цитадели, окружавшие Шевцова, падали в энергетическую топь, мгновенно растворяясь в ней, и только он сам, удерживая последними усилиями воли ближайших воинов от рокового падения, продолжал скользить в сторону бреши, не касаясь разрушающейся поверхности, пока серая хмарь межмирья не всколыхнулась вокруг, породив ощущение леденящего пронзительного холода.

Все... Здесь заканчивалась его власть

над пространством.

Он в полном изнеможении рухнул на что-то упругое, понимая, что отныне сам превратился в изгоя...